

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ЭТНОГРАФИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ПЕРЕЖИТКИ РОДОВОГО СТРОЯ
У СЕВЕРНЫХ АЛТАЙЦЕВ

(по материалам экспедиции в Ойротию в 1936 г.)

ЛЕНИНГРАД

1937 г.

Ответств. редактор *Н. Г. Таланов.*

Техн. редактор *М. Г. Рохман.*

Сдано в набор 13 ноября 1936 г. Подписано к печати 8 февраля 1937 г.
Колич. зн. — 60000. Колич. л. 1¹/₄. Станд. формат бумаги 48×82. Тираж — 1000
Ленгорлит № 1049. Тип. Новгородского Районного Издательства № 2604.

Летом текущего года, в течение двух месяцев, мы находились в научной командировке в Ойротской автономной области. За указанный срок удалось совершить поездку к четырем племенным группам алтайцев: тубаларам, челканцам, кумандинцам и ойротам. С этой целью пройден маршрут общим протяжением около тысячи километров, из них четыреста — на машине и свыше пятисот — верхом. Среди тубаларов местом работы явились долины р. р. Малой Иши и Сары Кокши (Чойский аймак).

У челканцев мы сосредоточили свою работу в верхнем течении р. Байгола (лев. приток Лебеда, Турочакский аймак). У кумандинцев — в верхнем течении Бии (селения Сурбашкино, Салзан, Шунурак, Турочакского аймака), среди так называемых верхних кумандинцев (*ere kumandь*).

У ойротов местом работы были верховья р. Урсула, Онгудайского аймака, б. центр ойротского байства и зайсанства, ныне же район наиболее мощных ойротских колхозов. Почти все время, предназначенное для полевой работы, мы потратили на изучение первых трех групп алтайцев, т. е. тубаларов, челканцев и кумандинцев, и только десять дней посвятили поездке к ойротам Онгудайского аймака. Столь заметное предпочтение изучению северных групп алтайцев находит свое объяснение в том, что избранная нами для разработки тема посвящена „Разложению рода у северных алтайцев“¹⁾.

Мы не могли также не учитывать и того обстоятельства, что северные группы алтайцев до сего времени почти не посещались исследователями и путешественниками и не могут считаться изученными. Это легко показать кратким обзором литературы по этим племенам.

Достаточно указать, например, что у челканцев побывал только В. В. Радлов, когда он совершал свое путешествие по Алтаю в шестидесятых годах, и в 1930 г. А. В. Анохин. Радлов быстро проехал по р. Лебеди и Байголу, собирая, главным образом, лингвистический материал. Все же Радлов опубликовал и этнографические сведения, которые составляют у него три странички в его

¹⁾ Первая часть этой работы под названием: „Разложение родового строя у племен северного Алтая“. Ч. I, „Материальное производство“, уже опубликована мною в издании Гос. Акад. истории Материальной культуры, им. Н. Я. Марра, Ленинград, 1935 г.

немецкой публикации „Aus Sibirien“¹⁾). Позднее по этим местам проехал А. В. Адрианов²⁾. Анохин у челканцев был также недолго, собирая преимущественно этнографические коллекции и производя некоторые записи по шаманству. Однако, о судьбе этих кратких записей нам ничего неизвестно. В результате маршрутных методов работы и своеобразия целей, которые ставили перед своими поездками названные исследователи, мы не имеем о челканцах ни одной этнографической и исторической работы.

Не лучше в прошлом обстояло дело с изучением тубаларов³⁾ (маршрутные поездки Ядринцева). В этом смысле несколько больше посчастливилось кумандинцам, но и о них мы имеем в публикациях крайне отрывочные или слишком специальные сведения⁴⁾.

Изложенное положение с изученностью перечисленных групп северных алтайцев и побудило нас сосредоточить внимание во время полевой работы именно на них⁵⁾.

Поэтому автор предпринял в предшествующие годы две поездки к тубаларам, а в нынешнем году большее количество полевого времени посвятил ознакомлению с челканцами, где и произвел в краткий срок довольно обильные записи.

Основным содержанием программы наших летних полевых работ являлись следующие вопросы: 1) Изучение родовой организации и процесса ее разложения у северных алтайцев, преимущественно по пережиткам. 2) Собираание материалов для пополнения второго издания „Очерки истории по Ойротии“. 3) Собираание статистико-экономического материала по основным показателям социалистического строительства в Ойротии. 4) Собираание материалов по пережиткам шаманства, т. е. все, что еще представляется возможным собрать.

Результаты полевой работы могут быть вкратце охарактеризованы следующим образом. По вопросу о родовой организации северных алтайцев, существовавшей в далеком прошлом, собран вполне достаточный материал, который, с учетом отдельных замечаний и отрывочных сведений, разбросанных в исторических документах и старой литературе, позволит дать характеристику главнейших признаков рода у алтайцев.

1) Bd. I, S. 359-361. Leipzig 1893.

2) Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881. Зап. Геогр. О-ва, по отд. общ. географии, XI, 1888 г.

3) Н. М. Ядринцев. Отчет о поездке в 1880 г. в Горный Алтай, к Телецкому озеру и в вершины Катунь. Зап. Сиб. отд. геогр. о-ва, IV, 1882. Частичные сведения в моей книге «Очерк истории Ойротии». Новосибирск, 1933. ГИЗ.

4) Л. Б. Шерр. Из поездки к кумандинцам в 1898 г. Алтайский сборник V. Барнаул, 1903; Н. Богатырев. Об ореховом и зверовом промыслах кумандинских инородцев Бийского уезда. Алт. сборник, IX, 1908; Ein erotischer Ritus in den Opferungen der Altajischen Türken. D. Zelenin. Internationales Archiv für Ethnographie XX IX, N. IV-VI.

5) Я не имею в виду, при этом, шорцев, о которых вышла недавно моя работа «Очерки по истории Шории», изд. Акад. Наук, Ленинград, 1936 г. Там же литература о них. Кроме того, этнографические сведения о северных алтайцах вообще имеются в книге В. Вербицкого «Алтайские инородцы». Москва 1893

Теперь уже с полной достоверностью, на основе яркого этнографического материала, можно утверждать, что род у северных алтайцев еще к периоду русского завоевания (начало XVII в.) составлял строго экзогамную группу родственников, объединенных общностью происхождения и счетом родства по отцовской линии. Однако, у алтайцев существует ряд ярких пережитков, которые заставляют нас категорически утверждать, что агнатная родовая организация, несмотря на все ее архаические черты, не является продуктом первоначального состояния рода у алтайцев и что агнатному роду у алтайцев предшествовала когнатная или матриархальная родовая организация. Об этом со всей убедительностью говорит прежде всего классификаторская система родства, которая, как известно, в ее малайской форме являлась системой родства периода кровнородственной семьи, предшествовавшей эпохе образования рода, а в форме туранской, или ганованской, была системой родства для эпохи материнского рода и ранней стадии отцовского. У северных алтайцев нами обнаружена классификаторская система родства, турано-ганованской формы, которая соответствовала эпохе материнского рода у алтайцев и отражала действительные семейно-брачные отношения эпохи того времени.

Основные черты классификаторской системы родства у алтайцев могут быть сведены пока, до подробного анализа, к следующим:

1. Целая категория родственников, свойственников, близких и дальних степеней родства и свойства, обозначается одним и тем же термином. Например, кумандинцы термином *taaj* называют а) брата моей матери, б) сына брата моей матери, в) сына сына брата моей матери, г) брата отца моей матери, д) сына брата отца моей матери, е) сына сына брата отца моей матери, ж) брата матери моего отца, з) сына брата матери моего отца, и) сына сына брата матери моего отца, к) брата матери моей матери, л) сына брата матери моей матери, м) сына сына брата матери моей матери. То же самое в отношении этого термина мы находим у челканцев и у тубаларов.

У челканцев термином „*teen*“ называют: сына моей дочери, дочь моей дочери, сына моей сестры, дочь моей сестры, внука моей сестры, внучку моей сестры, сына дочери брата моего отца, дочь дочери брата моего отца, сына сестры моего отца, дочь сестры моего отца, сына сына сестры моего отца, дочь сына сестры моего отца и т. д. Мужья всех женщин, которых я называю термином „*teen*“ — будут приходиться мне „*teen kye*“, а жены родственников, мужчин, которых я называю *teen*, будут приходиться мне *teen kelin*.

Такую же картину мы наблюдаем у кумандинцев и челканцев. То же самое можно отметить и в отношении свойства. Так, например, у кумандинцев мужчина называл одним и тем же термином «*kejim*»: жен братьев по матери, жен сыновей братьев моей матери, жен сыновей сыновей братьев моей матери, жен братьев отца моей матери, жен сыновей братьев отца моей матери, жен сыновей сыновей братьев отца моей матери, жен братьев матери моей матери, жен сыновей братьев матери моей матери, жен сыновей сыновей братьев матери моей матери.

Таких примеров можно привести сколько угодно. Достаточно сказать, что у тех же челканцев для обозначения 679 родственников и свойственников, о которых мы задали вопросы, нам назвали лишь 29 терминов, исчерпывающих название этих 679 родственников различных степеней родства и свойства, пола и возраста.

2. Строгое различение родственников со стороны матери и отца, тоже самое и в отношении даже свойственников. Так, например, у кумандинцев, у челканцев и тубаларов брата моей матери (старше матери и младше матери) называют „таај“, а брата моего отца „ыlda“ (если он старше отца) и „аса“ (если он младше отца). Старшую сестру моей матери кумандинцы и челканцы называют термином „аgала“, а старшую сестру моего отца „есе“. Сына моей сестры кумандинцы называют „сееп“, челканцы „teen“, а тубалары „нееп“ (в общем одинаково), а сына моего брата кумандинцы и челканцы называют „аса“ или „tungma“ (в зависимости от возраста — старше или младше говорящего), а тубалары соответственно „ака“ и „ась“.

3. Слияние прямого и коллатерального родства, т. е. слияние родства прямой и боковых линий, и общее название для родственников обеих из указанных линий. Так, кумандинцы термином „аса“ и „tungma“ (в зависимости от возраста) называют родного брата, сына моего брата, сына брата моего отца, сына сына брата моего отца, сына брата отца моего отца и т. д., т. е. братьев родных, двоюродных, троюродных и более отдаленных степеней.

То же самое можно проследить у кумандинцев, тубаларов, челканцев, в отношении терминов „есе“ и „tungma“, которыми называются сестры родных, двоюродных, троюродных и более отдаленных степеней родства. Это можно проиллюстрировать и на ряде других терминов у названных групп северных алтайцев.

4. Наличие в ряде случаев одних и тех же терминов, выражающих отношения кровного родства, с терминами, обозначающими отношения свойства. Например, у челканцев термином „teen“ обозначают не только детей моей дочери, детей моей сестры, внуков моей сестры, детей дочерей брата моего отца, детей сестер моего отца и т. д., но этот же термин употребляют и для обозначения детей сестры моего мужа. У тубаларов термин „таај“ означает не только родственников моей матери, матери моей матери, но и свойственников, являющихся родственниками брата матери моего мужа.

5. Свойственники у кумандинцев, челканцев и тубаларов классифицируются и обозначаются по тем же признакам, как и кровные родственники. Здесь один термин обозначает родственников жены или мужа по прямой линии, и родственников мужа и жены по ряду боковых линий. Например, у кумандинцев называют одним и тем же термином кајпъ: отца моего мужа, старших братьев мужа, сыновей братьев моего мужа (если они старше мужа по возрасту), мужей дочерей братьев моего мужа (если эти дочери старше моего мужа), родных и двоюродных братьев отца мужа.

Или термином „epe“ называют — мать моего мужа, старших сестер моего мужа, дочерей братьев моего мужа (старше мужа по возрасту), жен старших братьев мужа, жен братьев отца моего мужа (старших по возрасту), жен старших братьев мужа, жен братьев отца моего мужа (старших чем мой муж), сестер отца моего мужа (если они старше мужа) и дочерей сестер отца моего мужа (если они старше моего мужа) и т. д.

6. О классификаторской же системе у изучаемых групп северных алтайцев свидетельствует и наличие различных терминов для обозначения одной и той же степени родства и свойства, в зависимости от возраста. Так, у кумандинцев и челканцев моего старшего брата называют „аса“, младшего „tungma“; у тубаларов соответственно: „аса“ и „ась“. Мою старшую сестру у всех этих племен обозначают термином „есе“, а младшую „tungma“ (у тубаларов *сьььл*). Жену моего старшего и жену моего младшего братьев я буду называть различными терминами: у кумандинцев и челканцев *песі* и *kelin*; у тубаларов: *pege* и *kelin*.

Мужа моей старшей сестры и мужа моей младшей сестры все северные алтайцы называют соответственно *teste* и *kye*, т. е. также разными терминами.

Приведенных признаков более чем достаточно, чтобы доказать классификаторскую систему родства у изучаемых племенных групп. А это весьма существенный вывод, означающий, что алтайцы пережили стадию группового брака, столь характерного для ранних форм развития семьи, ибо классификаторская система порождена групповым браком и может быть понята лишь из него. Данная система родства обозначает групповое родство и отражает действительные брачные семейные отношения, существовавшие в эпоху родового строя. Однако, для того, чтобы говорить о существовании в прошлом группового брака у изучаемых нами племен, мы имеем кроме указанного неоспоримого доказательства, в виде классификаторской системы родства, более подробные конкретные данные, являющиеся пережитками группового брака у алтайцев.

Так, например, у кумандинцев допускается половое сожительство (по обоюдному согласию) с женами родных и боковых братьев старше данного мужчины по возрасту. Жены этой категории кровных родственников носят общее название *песі*. Стало быть можно вступать в половое сожительство с женами моих старших братьев, с женами сыновей моих братьев (если эти сыновья старше меня по возрасту), с женами сыновей братьев моего отца, с женами сыновей братьев отца моего отца, с женами сыновей сыновей братьев отца моего отца. Словом со всеми родственницами, которых называют термином *песі*, стало быть, с женами моих кровных родственников (родных и отдаленных братьев, являющихся по возрасту старше меня, и которых мы называем термином „аса“ т. е. старший брат).

Кумандинцы говорили: „достаточно, чтобы женщина приходилась мне *песі*“, чтобы можно было добиться от нее согласия на поло-

вое сожителство“. „Разумеется, — добавляли кумандинцы, — это нужно делать тайно от брата или другого родственника, иначе сердиться будет“. При обнаруживании половой связи своей жены такой родственник действительно сердился, но тем дело и кончалось. Точно так же у тубаларов признавалось право сожителства мужчины с данной группой женщин, которых тубалары называли термином *penge* или *tenge*. Нам даже привели пример осуществления этого права. Так, тубалар Байрам Суйгенов, из сеока Кузен, проживавший в селении Верх-Ише, жил с женой младшего брата отца, которого он называл „аса“ (т. е. своим старшим братом). Это не вызывало особенного осуждения, т. к. она приходилась ему *penge*. После смерти младшего брата отца, Байрам женился на его жене, с которой он уже и до этого состоял в половой связи. Здесь мы имеем яркий пережиток пулунуального брака. Отсюда понятно, что у всех племен северного Алтая почти до наших дней сохранялся обычай левирата, т. е. обыкновение отдавать вдову младшему брату ее мужа. Это пережиток былой общности жен для целой группы мужчин — братьев. Но этим примером пережитки группового брака, преимущественно в его пулунуальной форме, у северных алтайцев не исчерпываются.

У кумандинцев же еще в начале нашего столетия за мужчиной признавалось право осуществлять половое сожителство с младшими сестрами жены и вообще с младшими кровными родственницами жены, которых данный мужчина называет термином „*сигсь*“. Следовательно, можно было вступать в половое общение с сестрами моей жены, с дочерьми сестер моей жены, с женами младших братьев моей жены, с женами сыновей братьев моей жены. Сюда же относится обычай, существовавший, по мнению челканцев и кумандинцев, в старину и у тубаларов совсем недавно, по которому вдовец женился преимущественно на младшей сестре (*сигсь*) покойной жены. Это свидетельство о былой общности мужчин с целой группой сестер. Впрочем, нам указали сравнительно недавний брак этого типа в селении Сурбашкино Турочакского аймака, где таким образом поступил кумандинец Александр Пастаев из рода Алтына Куманды. У тубаларов такие браки не являлись редкостью еще совсем недавно. Например, брак Тадыжека (сеок Ялан) из селения Адыбана или брак Чаната Селекова (сеок Кузен) в селении Верх-Иша. Причем у тубаларов и челканцев признается право за мужчиной иметь половую связь не только с младшей родной сестрой жены, но и с двоюродными и более отдаленными сестрами ее, при условии, если они младше ее по возрасту.

Мужчина кумандинец мог также иметь половое сношение с категорией женщин, которых он называл термином „*кеји*“, т. е. 1) с женами братьев по матери, 2) с женами сыновей братьев моей матери, 3) с женами сыновей сыновей братьев моей матери, 4) с женами братьев отца моей матери, 5) с женами сыновей братьев отца моей матери, 6) с женами сыновей сыновей братьев отца моей

матери, 7) с женами братьев матери моей матери, 8) с женами сыновей братьев матери моей матери, 9) с женами сыновей сыновей братьев матери моей матери.

Кумандинец имел право на сожителство и с категорией женщин, которых он называл термином „таај есе“ т. е. 1) с дочерьми брата моей матери, 2) с дочерьми сыновей братьев отца моей матери, 3) с дочерьми братьев отца моей матери, 4) с сестрами отца моей матери, 5) с дочерьми сыновей братьев матери моего отца, 6) с дочерьми братьев матери моего отца, 7) с дочерьми сыновей братьев матери моей матери, 8) с дочерьми братьев матери моей матери. Причем кузенный брак на дочери дяди по матери у кумандинцев, челканцев и тубаларов считался особенно желательным. По этому поводу в одной из кумандинских песен говорится:

Тажым кьзып-таај есем, таҗтабајын	Дочь дяди по матери я не брошу возьму (замуж)
кагајын	
Талјанкь-комьсть таҗтабајын	
кагајын	Гармошку тальянку не брошу, буду играть.

Все описанные выше яркие пережитки группового брака, приведены далеко не полностью. Однако, это не значит, что кумандинцы или тубалары ведут развратный образ жизни. Надо сказать, что признание права полового сожителства мужчин кумандинцев, челканцев и тубаларов с определенными категориями женщин, частично отмеченными выше, не означает обязанности осуществлять его. Никаких случаев принуждения к половому сожителству на основании признания этого права ни у кумандинцев, ни у челканцев, ни у тубаларов, мне назвать не могли. Оно осуществлялось только с обоюдного согласия вступающих в половую связь лиц, ибо такая связь этих лиц находилась в соответствии с нравственными представлениями о брачных связях в данном обществе. Такие связи, в большинстве случаев, кратковременны, случайны и осуществляются на праздниках—чаще всего в состоянии опьянения.

Из архаизмов нам хотелось бы упомянуть еще открытый и исследованный нами факт существования у северных алтайцев, в прошлом и даже недавно, двухстороннего, перекрестного—кузенного брака (сын брата мог жениться и женился на дочери сестры, а сын сестры женился на дочери брата). Об архаизме этой формы брака свидетельствуют исследования Л. Я. Штернберга, который доказал, что кузенный перекрестный брак сменил брак между родными братьями и сестрами (т. е. брак характерный для первой формы семьи—кровнородственной семьи). Мы не имеем возможности раскрыть этого вопроса в кратком очерке, как не останавливаемся и на чрезвычайно интересных запретах между женой и старшей мужской родней мужа и между мужем и старшей женской родней жены. Нам уже теперь несомненно, что раньше, у северных алтайцев, муж мог жить со всеми сестрами жены, независимо от возраста, а жена могла жить со всеми братьями своего мужа и первой формой сужения этого типа группового брака было исключение из полового

общения родственников мужа и родственников жены — старших по возрасту, в результате чего и возникли определенные запреты в отношении именно этой категории родственников.

Все приведенные пережитки по формам брака и системе родства у северных алтайцев дают возможность реконструировать не только раннюю ступень родового строя — материнский род, но и стадию предшествующего образованию материнского рода и период его становления. Это весьма важно как для этнографов, так и для археологов. Однако, нельзя недооценивать значение этого материала и вообще, ибо нельзя забывать, что системы родства у народов СССР еще не затронуты изучением и либо совершенно не известны, либо, в редких случаях, затронуты изучением весьма поверхностно. Исключение составляют только работы Л. Я. Штернберга по народам северо-восточной Азии и недаром — как только появилась первая информация, обобщившая некоторые результаты его работ у гиляков в 1882 г., как в следующем году Ф. Энгельс отзывается на это сообщение специальной статьей в журнале „Neue Zeit“ (теоретич. журнал Соц-демокр. партии Германии) под названием „Вновь открытый случай группового брака“¹⁾.

Система родства у гиляков, изученная Л. Я. Штернбергом, сразу же вошла в инвентарь этнографической науки.

Кроме частично описанного выше и частично интерпретированного материала нам удалось обнаружить пережитки материнского рода у всех изучаемых групп северных алтайцев не только в выявлении, например, особой роли дяди по матери, но и в охотничьем производстве. Так, например, старики-челканцы сообщили нам, что раньше каждый челканец, обнаруживший место обитания выдры, сообщал об этом в первую очередь родственникам со стороны матери. Таким же образом поступали и тогда, когда обнаруживали в берлоге медведя.

Вот, например, несомненно пережиток матрилокального брака. Охотник-челканец, убивший мясного крупного зверя, обязательно приносил часть мяса отцу своей жены. При матрилокальном браке муж, поселяясь в роде жены, доставлял пищу родственникам жены.

Надо сказать, что пережитков материнского рода в организации охотничьего производства сохранилось весьма немного, это вполне естественно, так как у северных алтайцев уже давно господствовал отцовский род. После изложенного мы коснемся также кратко и характеристики собранных материалов, на основании которых впоследствии дадим описание и анализ отцовской родовой организации у изучаемых групп северных алтайцев.

В эпоху русского завоевания северные алтайцы жили группами кровных родственников, организованных по отцовскому принципу счета родства. Экономической основой для родовых объединений северных алтайцев было признание общей собственности рода на

¹⁾ Эта статья Энгельса опубликована в прилож. к 4 изд. его работы „Происхождение семьи, часте. собственности и государства“. Партиздат. Москва. 1932.

основные средства производства — в данном случае, на охотничьи угодья, так как ведущей отраслью производства в северном Алтае была охота. Что это именно так, доказывают собранные материалы, где по памяти стариков и взрослого населения в значительной части удалось восстановить распределение охотничьих угодий между отдельными родами. Приведу несколько примеров такого распределения.

У челканцев рода „шакшылыг“ было мало своей тайги и поэтому про них сложили поговорку:

Jer jok teeken

Не имея (своей) земли (бродят)
как росомахи.

Turgun jok akkiik

Не имея (постоянного), основ-
ного места (бродят), как олени.

Тем не менее и у них родовая тайга была. Она находилась в верховьях Абакана по р. р. Каир и Кепö. У рода челканду родовые промысловые угодья находились в верховьях р. Сайту (лев. приток Байгола). Эти тайги были известны под названием Уе и Кечимир, затем в верховьях р. Пöле, по горе Ягана. Далее по горе Уч-сююри (верховья Байгола) и тайги: Туру, Поди, Кара-Тöбе и т. д. У верхних кумандинцев родовые охотничьи места были в верховьях р. р. Ульмень и Ушпы (правые притоки Бии). Затем на горах: Кызылгая, Себире.

Промысловая территория верхних кумандинцев имела границу с шорцами по водоразделу р. р. Бии и Кондомы (кöгене сыны). Верховья правых притоков Бии считались кумандинскими промысловыми угодьями.

У тубаларов род „кондош“ промышлял в верховьях Уйменя, род Ялан — по двум речкам Кузе и в тайге Лажи и т. д.

Кроме прямых указаний людей, помнящих о родовой принадлежности охотничьих угодий северного Алтая, мы собрали крайне интересный материал, который должен способствовать разъяснению этого же вопроса. Мы имеем в виду материал о почитаемых „родовых горах“ у северных алтайцев. У каждого рода есть сведения о почитаемой раньше родом своей горе, считающейся „покровителем“ этого рода. Что гора является именно только родовой, явствует, хотя бы из того обстоятельства, что замужняя женщина у северных алтайцев не может называть родовую гору мужа по имени, не может быть близ нее с непокрытой головой, не может на нее подыматься. Словом, существует ряд запретов для замужних женщин, как для чужеродок (вспомним экзогамию). Мы очень подозреваем связь этих родовых гор с тотемистическими представлениями, но совершенно несомненна для нас уже в настоящее время связь „родовых“ гор с охотничьей территорией данного рода. Почти во всех приведенных нами случаях по поводу родовых, „священных“ гор, можно установить, что та или иная гора составляла некогда или составляла еще недавно охотничью территорию данного рода. Так, у челканцев рода „шакшылыг“ родовой „свя-

щенной" горой является гора Соолу (русс. Салоп) близ Турачака, у рода „чалканыг" — Уч-сююри, у рода „орокуманды" — Ииктаг, у тубаларского рода — „юз" Кызыл-гая и т. д.

Наряду с этим нам удалось собрать материал по пережиткам коллективного производства у северных алтайцев. Так, по рассказам тубаларов, в старину были развиты коллективные охоты на крупных копытных зверей (сохатый, олень, марал, козуля). Охотились коллективно при помощи загородей и ловчих ям. Те и другие охоты старики еще помнят и могли, поэтому, рассказать нам о них довольно подробно. Яму рыли коллективно. Она была круглой формы, размером 6—7 метров в диаметре, глубиной до 3-х метров. Работа была трудной. Рыли яму абылами (мотыгами), землю на большое расстояние относили деревянными лопатками. На дно ямы втыкали заостренные колья. Яма устраивалась на звериной тропе и тщательно замаскировывалась. Пойманный зверь составлял собственность охотничьего коллектива, состоящего из членов одного и того же рода.

Точно также коллективно сородичи устраивали осенью длинные загороди (сeden), на месте массового хода копытного зверя, оставляя в них проходы с веревочными петлями. Затем тубалары устраивали облавы на этих зверей, так сказать, по всем правилам, с загонщиками, сторожами, стрелками и т. д. Эти облавы носили названия „агыртар". Во всех указанных случаях коллективной охоты добытый зверь делился уравнительно между данным охотничьим коллективом, составленным из сородичей.

У кумандинцев нам также удалось записать рассказ о коллективной охоте при помощи загородей и ловчих ям. Охотились коллективно ловчими ямами и челканцы. Челканцы-старики еще могли рассказать об этом. Однако, на памяти стариков это было редко. Охотились коллективно преимущественно на крупных копытных зверей и на выдру и медведя. Наконец, мы считаем пережитком коллективного способа производства и широко развитое до революции у всех северных алтайцев, артельное начало в промысле, даже на мелкого пушного зверя. В этой организации коллективного способа охоты у северных алтайцев нами отмечен весьма существенный момент. Он состоит в том, что артели охотников объединялись обязательно по родовому признаку и состояли почти исключительно из родственников по отцовской линии. Это вполне понятно, ибо охотничья тайга находилась в родовом владении, а роды вели счет родства по отцовской линии. И лишь в особо „неурожайные" годы на зверя в своей родовой тайге обращались к родственникам по матери или по жене с просьбой разрешить промыслять зверя в их тайге.

Из коллективной собственности и коллективного производства естественно вытекало и коллективное распределение продуктов труда. Вполне понятно, что нам удалось собрать довольно подробный материал и по этому вопросу. У всех изучаемых нами северных алтайцев охотничья добыча в прошлом, делилась по принципу „тепг улеж" — т. е. по принципу „равной доли", по принципу уравнительности.

У тубаларов до революции в некоторых случаях наблюдались уже отклонения от принципа уравнительности. Так, стрелок, убивший марала или козла, получал сверх пая еще голову, легкие и сердце на том основании, что по возвращении домой этот охотник должен был „угостить“ мясом своих семейных духов — покровителей, от которых „зависит“ удача на промысле, и которых угощают именно этими частями мяса животного.

То же самое отмечено и для кумандинцев, а у челканцев такого предпочтения стрелку при разделе не обнаружено. Мы склонны видеть в этом влияние частной семейной собственности, которое привело к выделению части мяса убитого животного, принадлежавшего всему охотничьему коллективу, в личную, семейную собственность и было отражено в религиозном обычае. Пережитки коллективной собственности на убитого зверя ярко подчеркнуты в ряде обычаев охотников северного Алтая. Так, например, если тубалар, убив белку, в то же мгновение встречал какого либо охотника в тайге, хотя бы и совершенно незнакомого, он отдавал этому охотнику убитую белку. Если он сам этого не делал, то встретившийся и присутствовавший при моменте выстрела в белку охотник напоминал об этом обычае словами „учам бер“ (т. е. дай мою „уча“).

Кстати сказать, точно такой же обычай существовал у теленгитов восточного Алтая (учалып турым) и у танну-тувинцев. О последних Яковлев пишет следующее: „По Кемчику сойот, встретив кого либо едущим с добычей (не пушниной), при слове „уджа“ берет заднюю ногу с частью позвоночника и шкуру, второй и третий встречный отрезают себе также лучшие куски мяса, так что убитому зачастую не остается ничего“¹⁾. Мы находим объяснение тубаларскому обычаю „учам бер“, в тувинском „уджа“, что буквально значит задняя нога, бедро туши животного. Очевидно, в эпоху охоты на мясного зверя убивший зверя отдавал встретившемуся человеку „уча“ (т. е. заднюю ногу убитого зверя), как требовали того господствующие тогда доклассовые отношения. Позднее этот обычай у тубаларов был перенесен под тем же названием, хотя и утратившим подлинный смысл, и на пушного зверя и вместо части туши крупного зверя стали давать мелкого пушного зверька целиком. Мы видим подтверждение этому и в прежнем кумандинском обычае давать „уча“ жертвенного животного шаману.

Надо сказать, что обычай „учам бер“ не удалось обнаружить у челканцев. Зато у челканцев есть варианты этого обычая доклассового общества. У них, при коллективной охоте на выдру или другого зверя, наделяли паем и случайно подошедшего человека, хотя не принимавшего участия в охоте. А кумандинские старики говорили нам: „В старину, бывало, в тайге ходишь, настреляешь белок и встретишься со старым человеком — обяза-

¹⁾ Яковлев. Этнографический обзор инородческого населения долины Южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 67.

тельно подаришь ему белку, а то стыдно будет. А если застрелишь, бывало, белку и в это время увидишь постороннего человека — ему белку сразу же отдашь, это значит его счастье“.

Конечно, здесь дело не „в счастье“, а в живучести в сознании охотников-алтайцев норм этики доклассового общества. Только остатками доклассовых отношений можно объяснить также следующий обычай, записанный нами у челканцев, по которому полагалось в том случае, если два охотника стреляли одновременно, делить зверя пополам независимо от того, обе пули попали в него или только одна. Впрочем, этот случай предусмотрен и у кумандинцев. У них если при одновременном выстреле в зверя попадала пуля только одного охотника, то мясо делили поровну, а сразивший зверя получал дополнительно голову, легкие и сердце.

Вот и другой кумандинский обычай такого же порядка. Если два охотника одновременно нападали на след одного и того же зверя, или один из охотников обнаруживал этот след позже первого, но шел по нему до момента убийства зверя, добыча подлежала равному разделу. Только убивший зверя при дележе получал некоторое преимущество в виде головы и осердия.

Нам остается так же кратко наметить те признаки, которыми собранный материал позволит характеризовать родовую организацию у алтайцев. Род у северных алтайцев объединял группу близких родственников, считающих свое происхождение от общего предка и ведущих счет родства по отцовской линии. Строго запрещались браки с женщинами своего рода. Жениться можно было только на женщине из чужого рода. Причем, некоторые роды считали себя находящимися в кровном родстве и браки между этими родами были также строжайше запрещены. Род в прошлом имел выборного вождя, которого выбирало собрание мужчин рода. Женщины на выборы не допускались, ибо замужние женщины были чужеродками, (а девушки при патрилокальном браке должны были с замужеством перейти в род мужа,) и, вообще при установлении патриархата женщины были вытеснены из общественной жизни рода.

В эпоху русского завоевания вождь выбирался пожизненно. Родовое собрание было высшим органом власти рода. Род обладал своей родовой охотничьей территорией. Право охоты на этой территории определялось принадлежностью к роду. Каждый род имел свое наименование. Каждый член данного рода твердо знал имя своего рода и, благодаря этому, узнавал дальних сородичей, живущих в отдаленных районах Алтая. Имущество умершего наследовали ближайшие сородичи. Дети и имущество после смерти отца оставались в роде умершего. Обычно младший брат женился на вдове покойного и владел его имуществом и воспитывал его детей. Члены рода оказывали друг другу помощь при материальных затруднениях, в работе и т. д.

Однако, от прежних родовых обычаев взаимопомощи и помощи уже давно остались только одни названия (*odyske, rolyz* и др.), ибо

содержание их во время господства колониальной политики царизма изменилось и эти прежние обычаи сделались, по существу, формой эксплуатации. Местные эксплуататоры, баи и паштыки, выросшие в процессе разложения рода, использовали старинные родовые обычаи в своих эксплуататорских целях и прикрывали им жестокую эксплуатацию своих сородичей. Наконец, род у северных алтайцев был объединен общим родовым культом. Каждый род имел своих духов „покровителей“. Например, род верхних-кумандинцев „оро куманды“ — Солтыгана, „алтына куманды“ — Нямырактыг-Чазы-гана чоты — Солугана, род Тастар — Солтыгана. У челканцев род „шакшылыг“ имел покровителем Аба-Чазы-гана. У тубаларского рода Комдош — покровителем считался Ак-Ульгень и т. д. Причем, у родственных сеоков и духи покровители были общими. Например, кумандинские роды „tastar и sotь“ считаются между собой родными сеоками, не берут друг у друга женщин (альшпас) и родовой покровитель у них был один и тот же — сын Ульгенья „Солуган“.

Мы уже сообщали также о родовых горах. Все важнейшие жертвоприношения и моления у северных алтайских сеоков были, вплоть до нашего времени, строго родовыми. Мы находим это на примере кумандинцев. У кумандинцев можно было приносить в жертву лошадь только собственную, а не покупную. Если не было своей лошади, брали у родственника только своего сеока. Предназначенную в жертву лошадь приобретали еще жеребенком и выращивали до 3—4 лет. На этой лошади нельзя было работать, ездить. Строжайшим образом запрещалось дотрагиваться до нее женщине, и не только женщине, но и мужчине из другого сеока¹⁾. Кумандинцы приносили в жертву лошадь весной или осенью (Ульгенью). Обычно каждый кумандинец — один раз в жизни. В момент принесения жертвы около жертвенного места могли находиться только люди своего рода (замужние женщины не допускались совсем на моление). В отдалении могли сидеть, стоять и смотреть мужчины из других сеоков. Сородичи сидели позади кама.

Переходя теперь к характеристике собранного материала у ойрогов, мы должны указать, что, в основном, нас интересовали вопросы форм эксплуатации, особенно замаскированных под вид родовой помощи. Типы батраков и работников баев и зайсанов, подробные характеристики хозяйства и эксплуататорской деятельности бывших зайсанов и баев. Собрать этот материал нам вполне удалось. Благодаря тому, что мы работали в южной части скотоводческого Алтая, в центрах местообитания бывших баев и зайсанов, нам удалось почерпнуть много ценных сведений. Причем, главными осведомителями являлись бывшие работники всех кате-

¹⁾ При строгом соблюдении экзогамии у сев. алтайцев в жены можно было брать женщину только из чужого рода. Таким образом, каждая замужняя женщина считалась в данном роде чужеродкой. И, действительно, это было так. Замужняя женщина носила родовое имя ее отца.

горий баев и зайсанов. Здесь мы хотим привести некоторые данные о так называемых кулах.

Кул — буквально значит раб. И это слово, в его подлинном смысле, известно старикам Онгудайского аймака (верховья Урсула), которые говорили, что „настоящие кулы — это были те кулы, которых раньше бай и зайсаны покупали у казаков и сойотов“.

Однако, наряду с этим, алтайские бай и зайсаны вплоть до 1927—28 гг. держали особую категорию работников из своих со-родичей, которые назывались также кулами.

Посмотрим же, что представляли собой эти кулы. По нашему мнению, „кулов“ нужно определить как крепостных рабов баев и зайсанов. Именно таким было их социальное положение в прошлом. Кулы были, прежде всего бедняки, совершенно не имеющие своего хозяйства. В течение всей своей жизни они являлись фактически собственностью бая. Дети кулов также считались кулами баев. Бай давал кулов в приданое своим дочерям, платил кулами калым при женитьбе сына. Так, например, бай Сапок Паинкин, когда женился на сестре бая Коли, он дал последнему в калым, кроме денег, 12 лошадей и своего кула Бакрама Ятекенева. (В настоящее время тов. Текенев является колхозником-стахановцем одного из колхозов Карлыкского сельсовета). Бай женили своих кулов между собой по своему усмотрению и, таким образом, размножали их словно рабочий скот. Целые семьи поколений бедняков алтайцев работали на бая не покладая рук, считаясь его кулами.

Например, у того же Сапока Паинкина был кул Байтинов Куртук. Отец Куртука также был кулом этого бая и дочь Куртука Микичи также была „кулом“ бая Сапока. Сапок выдал ее замуж за другого своего кула Себикова Байбая. Главной работой кула являлась домашняя работа в байском хозяйстве. Женщины готовили еду, делали толкан, доили коров, приготавливали постели, выкуривали вино. Словом, выполняли работу домашней прислуги. Мужчины седлали баю коней, рубили дрова. Нередко они выполняли у бая обязанности пастухов и в течение долгих лет изодня в день объезжали многочисленное стадо байского скота, разбитое на табуны, пасущееся в отдельных местах. Бай ничего не платил кулам за работу. Кулы должны были довольствоваться обедками с байского стола и донашивать байскую одежду.

Бай чрезвычайно жестоко обращались с кулами, били их до физических увечий. Так, кул бая Сапока, Тижмеев Кару, на всю жизнь остался инвалидом из за жестокости своего бая. Произошло это так: Кару пас байских овец. Обувь, которую ему дал бай, была велика и Кару стоптал байские обутки. Заметив это, Сапок велел оковать задники обуток Кару жостью, вследствие чего Кару на всю жизнь испортил свои ноги. Другого кула — Куртука Байтина — бай однажды так избил плеткой по голове, что с того времени Куртук стал „заговариваться“. Оба эти б. кула состоят теперь членами колхоза в урочище Ело. Мною составлены списки кулов, работавших у того или иного бая в Онгудайском районе.

Любопытно отметить, что кулы бая были, главным образом, из его сородичей, или сородичей его матери. У баев Чуйской долины на подобие кулов жили т. н. айбачи. Жили они обычно у бая под видом „усыновленных“. Бай брал в айбачи хороших работников из бедноты, обещал наделить их скотом, женить. Жили айбачи у бая по многу лет. В отличие от обыкновенных работников „ялчы“, айбачи не могли уйти от бая без его согласия. Бай давали айбачи в приданое дочерям на несколько лет, пока молодые не обзаводились собственными айбачи и работниками. Главной обязанностью айбачи был присмотр за скотом и поиски ушедших табунов. Иногда айбачи помогали баю угонять чужой скот из-за границы, т. е. входили в состав организованной баем шайки для угона скота, назыв. „тургун“. Айбачи были и женщины. В их обязанности входила работа домашней прислуги при байском жилье.

Нами описана также категория работников „ялчи“. Собран новый обширный материал о зайсанах. Особенно тщательно мы исследовали вопрос об использовании баями родовых пережитков. В этом отношении мы также получили весьма ценный материал. Вот пример: зайсан Семен Юлуков часто устраивал помочи. Труд алтайцев на помочи у Юлукова был организован следующим образом: — все приехавшие косить разбивались на группы по родовому принципу например, „Органчылар“, „Саалдар“, „Ииркиттар“, „Мундустар“ и т. д. Распорядитель помочи (başсыз), обычно близкий родственник Юлукова, отводил площадь для кошения каждой родовой группе и давал задание ее выкосить к вечеру. Каждая родовая группа имела своего (başсы). После окончания работы, когда начиналась угощение, то этих „başсылар“ угощали отдельно. Юлуков присутствовал на покосе. Он об'езжал „башчы“, с каждым из них „милостиво“ разговаривал, выкуривал трубку, просил проявить в работе усердие. Вечером, когда начиналась гулянка, Юлуков посылал каждой родовой группе косцов от своего имени несколько ташауров вина¹). Огромные покосы Юлукова выкашивались, таким образом, в один день.

Если теперь обратиться к освещению собранного материала, относящегося к шаманству, то и в этом отношении мы считаем свою поездку в Ойротию удачной. Этим мы обязаны тому обстоятельству, что у кумандинцев встретили среди колхозников одного бывшего шамана, который 7—8 лет тому назад добровольно оставил свою профессию и сдал бубен в сельсовет. Нам удалось разъяснить ему цель нашей работы, в результате чего получили довольно толкового осведомителя, с обширными сведениями по интересующим нас вопросам шаманства. Особенно подробно мы провели работу по составлению классификации и описанию внешних и смысловых особенностей шаманского бубна в процессе его изготовления. Много внимания уделили расшифровке рисунков на

¹ Ташаур—кожаный сосуд для вина.

бубне, выяснению особенностей их в различных типах бубнов, в том числе мужских и женских. Нам удалось, кроме того, организовать работу по собиранию аналогичного материала у бачатских телеутов и получить первые результаты.

В заключение должны сказать несколько слов о материале по основным показателям соцстроительства в Ойротии. Собраны подробные материалы о поразительных успехах по национально-культурному строительству Ойротии, дающие возможность проследить рост этого строительства из года в год. Получены сведения об успехах области в развитии сельского хозяйства и промышленности, о росте и формах стахановского движения среди колхозников-ойротов. О лучших колхозниках, энтузиастах труда, стахановцах и орденоносцах, получен биографический материал. В результате обработки данных материалов, значительная часть их будет использована в экспозиции Саяно-Алтайской выставки в Гос. Музее Этнографии, где устраивается специальный раздел „Социалистическая Ойротия“.

Но наряду с отмеченными успехами в деле социалистического строительства, в Ойротии еще сильны „родовые“ пережитки. Эти пережитки являются излюбленным орудием в руках наших классовых врагов: баев, кулаков, националистов. Безусловно правильно, что руководитель большевиков Западно-Сибирского края тов. Р. И. Эйхе в своем выступлении на пленуме Ойротского обкома ВКП(б) в ноябре 1935 г. подчеркнул отрицательное значение родовых пережитков¹⁾. В данной связи следует осудить недавнее выступление в печати московского этнографа С. А. Токарева, который в своей книге об Ойротии признает за родовыми пережитками, хотя и с оговорками, положительное значение и считает возможным некоторые из них использовать в практике социалистического строительства²⁾. Такое мнение, разумеется, не мобилизует на борьбу с родовыми пережитками, осуществление этого совета на практике означало бы ослабление политической разъяснительной работы о родовых пережитках на местах и внесло бы вредную путаницу в практической советской работе, чем непременно бы воспользовались контр-революционные националисты.

Необходимо еще отметить, что успеху нашей работы весьма содействовали Ойротский Облисполком и Обком ВКП(б), а также райисполкомы и райкомы ВКП(б) Турочакского и Онгудайского аймаков.

---

¹⁾ Р. И. Эйхе. Социалистическая Ойротия на новом подъеме. Новосибирск 1935. Из стр. 46 - 47.

²⁾ Докапиталистические пережитки в Ойротии. Москва, Ленинград 1936. стр. 137 - 142.